

Катя Кожевникова

**Торговец снами, или
Добро пожаловать в Стамбул!**

Катя Кожевникова
**Торговец снами, или Добро
пожаловать в Стамбул!**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69080665

SelfPub; 2023

Аннотация

Лурру – маг-сновидец, живущий в мире серости и строгих правил. Сны – единственное яркое зрелище, доступное для жителей такого мира, они же – визуальные порталы в иные реальности. Но с годами постепенно способности сновидца таят, а вместе с ними исчезает и все яркое и интересное. Что же выбрать Лурру – остаться пленником своего серого мира, или исчезнуть из реальности, растворившись в собственных снах?

Катя Кожевникова

Торговец снами, или Добро пожаловать в Стамбул!

А когда в человеке убито воображение, это значит, что он дошел до самого дна и дальше ему идти уже некуда

(Марк Твен "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура")

Меня зовут Лурру. И я торгую снами.

Наш мир – это однообразные цвета и серые оттенки, так что сновидцев рождается не так уж много. Говорят, человек десять за столетие. Дело в том, что вся наша жизнь – это жесткие правила и рамки, строгие прямые линии, однообразные события. Люди не любят разнообразие и перемены, стараются жить «как принято». Носят серое и бежевое – никаких белых, черных или ярких цветов! А в еде нет приправ и специй. Хорошим тоном считается отсутствие проявления эмоций, ровный спокойный голос. Конечно, всегда держать себя в рамках сложно, поэтому для отдыха есть и развлечения: книги, общение с животными, прогулки и спокойные поездки по заранее запланированным маршрутам. Но самое яркое, бунтарское и нетипичное, что у нас есть – это сны.

Откуда я все это знаю? С чем сравниваю? Просто в сновид-

дениях я вижу миры совершенно иные: яркие, интересные, динамичные, абсолютно разные.

Это началось давно, в раннем детстве. Каждое утро я рассказывал родителям о странных вещах и изобретениях, пытался говорить о ярких красках, которых просто не было в нашем мире. Семья пугалась, удивлялась, не верила в мои истории. А потом им посоветовали отдать меня в обучение сновидцам.

Так я познакомился с Колдуном. Он научил меня, что главный признак, отличающий сновидца от обычного человека – его смелое воображение. Чем больше ты способен представить, заметить, узнать и увидеть – тем сильнее расширяются границы возможного и невозможного. Чем смелее открываешь для себя тропы неизведанного – тем ярче и интереснее становятся сны. Он учил меня ловить и запечатывать мои истории в специальные колбы. За одну такую баночку люди готовы были выкладывать большие деньги, чтобы присваивать себе чужой яркий сон и пересматривать его хоть каждую ночь. Ведь большинству снились только куски из собственных жизней в спокойных, строгих, приглушенных тонах.

Наши сновидения вовсе не были скучными сценками из жизни и быта, кусками разговоров или блеклых воспоминаний, нет! Это были интересные приключения, опасные погони, затягивающие расследования, романтические истории и страшные загадки. На самом деле воображение помогало

мне переноситься в иные, реально существующие далекие миры. Я бродил по улицам неведомых городов, необычных стран, исследовал странные запутанные леса и опасные пещеры. И каждый новый сон казался ярче и прекраснее блеклой реальности, а я жадно смотрел сюжет за сюжетом, не желая останавливаться. Я не мог насытиться собственной жизнью, хотя яркие события и не были настоящими, реальными.

Будучи уже взрослым, бесстрашным исследователем, путешественником между мирами, в одном из снов я набрел на огромную библиотеку. Сидя у стеллажей, я провел немало ночей, погружаясь в необычные книги. Конечно, читать во сне я тоже умею! Колдун должен находить все самое интересное. Бумажные страницы шелестели, раскрывая мастерство, видимо, других умелых сновидцев из иных вселенных. Разве обычный человек сможет так интересно пересказывать сюжеты? Или жизнь их была не менее яркой, чем фантазия? В одной из историй я наткнулся на странную фразу: «А когда в человеке убито воображение, это значит, что он дошел до самого дна и дальше ему идти уже некуда». Что-то меня зацепило в ней.

Я долго раздумывал о том, как живут люди моего собственного мира – многие ведь не обладают ни воображением, ни цветными снами, не могут придумать ничего нового. Они живут в одинаковых круглых домах со однотипной мебелью. Занимаются похожей, монотонной работой, едят пресную пищу и носят одежду только рекомендованных цве-

тов. И их совсем не заботит возможная иная жизнь – яркая, пестрая, быстрая, необычная. Жители моего родного мира вообще не знают или не верят в существование других вселенных. Для них купленные сны – всего лишь забава. И разве я сам втайне не считал их скучные жизни настоящим кошмаром?

Я отправился за советом к своему постаревшему учителю. Полки его лавки, когда-то забитые цветными баночками с шелестящим цветным туманом сновидений, совсем опустели.

– Знаешь, Лурру, ты прав. Но быть человеком без фантазии – это не самое худшее. Гораздо страшнее – потерять воображение и силы. Старость и время постепенно отнимают всё...

Да, старость разрушала наш мозг, уничтожая и воображение, и дорогу в неизведанные миры. Казалось, я всегда это знал, но совершенно не мог принять происходящее.

Пока я еще был молод, мне хватало сил фантазировать, придумывать свое, чтобы заснуть и собрать потом в колбы множество новых историй. Раньше у меня был свой магазинчик с полками, забитыми колбами до самого потолка. Цветной туман в них приманивал желающих, а этикетки с описанием давали краткое представление о содержании сна. Потом колбочек стало поменьше, и я разнообразил товары магазина удобными подушками, пледами и самыми нудными, правильными книгами (чтобы желающим быстрее захо-

телось спать). Потом в лавке появились благовония, лампы, ароматные масла и курительницы для них, трубки, табак... все для спокойствия и быстрого сна. Это разнообразие, конечно, радовало глаз, особенно если удавалось раздобыть или заказать мастерам нечто дивное, непривычное, словно украденное из других миров. Но коллекция снов с годами уменьшалась. Новые, яркие, настоящие истории о других мирах появлялись все реже.

Прожитые годы отражались сединой в моих волосах, болью и слабостью в теле. Из зеркала по утрам на меня смотрел уже не задорный молодой колдун, искатель снов и приключений, а кто-то иной. У человека в отражении прибавлялись морщины, седели волосы, тряслись руки, а взгляд его был уставшим. Но беспокоило меня не это, а то, что с возрастом двери в волшебные и загадочные миры для меня исчезали, отдалялись, становились недостижимыми... унося с собой весь смысл моей жизни.

Еще через несколько лет бывший мой магазинчик схлопнулся до размера чемодана, а сам я для своих неуклюжих передвижений приобрел великолепную трость. Денег пока хватало, но что это была за жизнь? Пресная еда, безвкусная вода, бледные цвета в одежде, архитектуре, природе... Здесь даже рассветы и закаты оставались всегда одинаковыми. Они бледнели нежно-персиковыми красками, перетекая или в ночь, или в утро. А в моем любимом сне закаты пылали огнем, заливали все алыми, багровыми, фиолетовыми оттен-

ками. Да-да, названия эти я тоже почерпнул в иных мирах. В моем родном городе такой закат осудили бы, назвав плохой шуткой и глупой насмешкой над правильными нежными цветами. Ух, как же меня мучила здесь скука! Тоска и одиночество начали проедать дыру в грудной клетке. Я уже перестал путешествовать дальше родного города, оставил только торговлю для клиентов, приходящих прямо к моему жилищу. Цветные колбочки из чемодана постепенно исчезали, оставляя чувство горечи. Торговать было необходимо, чтобы платить за дом и еду. Но мне хотелось вцепиться в каждый мой сон, оставить его себе, хранить эти маленькие сокровища и не делиться с теми, кто никогда не оценит их по-настоящему! Все чаще я вспоминал ту странную фразу и всё сильнее ощущал своё падение. Здесь, на дне, меня окутывала тоска по историям, которые происходили не со мной. В реальности я никогда не переживал ничего подобного. Тоска по местам, в которых настоящий я никогда не был, по дорогам, что мне не довелось пройти. Я тосковал по своим цветным снам. Но разве они были лишь вымыслом, фантазией? А если и так? Разве это делало их хуже реальности?

Я уставшим взглядом окидываю покупателей – богатого франта в одежде только бежевого цвета. Рядом с ним – высокомерная дама в аккуратной шляпке и строгой юбке. Отдаю им свой последний и очень дорогой сон о приключениях, рыцарях и крылатых змеях, провожаю покупателей и запираю дверь. Теперь точно все. Я думал, что если выста-

вить огромный ценник, то никто не придет. Но нет, последние сокровища расхватали те люди, что жили побогаче других. А чему удивляться? Живых сновидцев осталось лишь два, товар стал совсем эксклюзивным. Богачи зачастую даже не смотрят эти сны! Они ничего не смыслят в ценности этих историй! Они просто хвастаются друг перед другом дорогой и блестящей вещицей, передают детям по наследству... Может, когда-то люди вообще забудут и перестанут понимать, какую красоту можно найти во снах об иных мирах...

Меня скручивает приступ кашля. Не вовремя! Я медленно притягиваю к себе чемодан (тяжелый!), нажимаю спрятанную защелку и нахожу крошечный потайной карман. Вот она! Колба с моим любимым сном. Я увидел его однажды, будучи еще молодым, и забыть не смог. Это воспоминание стало моим блаженством и одновременно моим кошмаром.

Скрипя старыми костями, я приближаюсь к мягкой софе, блаженно растягиваюсь на ней. Наполовину вытаскиваю пробку из колбы, хотя и приходится повозиться – руки совсем ослабели и трясутся. Привычно вдыхаю знакомый аромат – пряный, островатый, с привкусом морской воды. И закрываю глаза.

Сначала не происходит ничего, только слегка покалывает пальцы, а вокруг царит темнота.

А затем меня окутывают ярко-алые оттенки, в нос ударяет запах пряных специй, а в ушах нарастает гул большого города и морских чаек. Я открываю глаза и наблюдаю, как прямо

передо мной вырисовываются улицы, здания, яркие витрины и огни. Снует множество людей, бесконечно о чем-то общаясь. Гудят, пищат, свистят непонятные и незнакомые мне механизмы. Я снова молод и двигаюсь также легко и быстро как прежде. Хотя во сне это осознается сложнее – постепенно чувствуешь себя настоящим здесь и сейчас, забывая, что на самом деле ты – старик, уснувший в другой реальности.

Я жадно вдыхаю этот город, вышагивая по улицам. Каждая клеточка тела дрожит, вновь и вновь радуясь встрече.

Алый закат раскрасил все небо, подсвечивая и без того яркий город. Рынок сувениров, специй и фонариков пестрит живыми и яркими цветами. Огромные массивные здания с множеством башен и куполов радуют глаз. Они покрыты невероятно изящными узорами. В моем мире посчитали бы, что здесь живут сумасшедшие, мол, почему бы не построить простейшее бесцветное полукруглое здание? Для чего все эти излишества и изыски?

«Добро пожаловать в Стамбул!» – вижу я множество табличек и плакатов в торговых лавках и улыбаюсь. Снова здравствуй, чужой и далекий, но такой любимый город! Я десятки раз проходил здесь по разным улицам, любясь этими закатами, огромной рекой и мостом, необычными зданиями и площадями. Я бесцельно слонялся по городу, слушая непонятные речи местных людей. Чтобы научиться понимать хотя бы надписи, пришлось провести в этом сне немало времени, разыскивая разные книги и словари, сопоставляя дан-

ные, сравнивая с нашей речью... ну да ладно. Не том разговор.

Я не знал, как назывался этот мир, но и какая разница? Я звал его Стамбул и возвращался к этому сну по поводу и без. Я проходил знакомыми дорогами мимо красивых и монументальных дворцов, иногда заглядывая внутрь – полюбоваться убранством и послушать песнопения. Гулял по рынкам и ловил запахи еды. Меня не замечали, а голод не мучил – я же на самом деле не существую для этого мира, вот меня и не видят. Это мне снится Стамбул, а не наоборот.

Не знаю, что именно так влекло меня к одному и тому же сну, но в этот контрастный город я влюбился давно. Если бы это было возможно, то я давно сбежал бы от скуки и вечного однообразия родного мира. И выбрал бы я ту вселенную, где так много цветных красок и ярких запахов, необычных линий, красивых узоров, изысканной посуды... Но я всего лишь сновидец.

Я бы мог вечно бродить в этом сне, если бы не один огромный минус, который всегда возвращал меня к реальности – сон о Стамбуле был кошмаром.

Сначала все шло мирно, можно было безбоязненно ходить по всему городу, исследуя его вдоль и поперек. Но затем... ты непременно сворачивал на одну из улиц и город менялся. Приветливое пестроцветье вдруг исчезало, выгорая. На его место приходила темнота, мрачный вой, резкая вонь и гне-

тущее чувство опасности. Где бы ты ни был до того, вдруг ты оказывался в узком переулке, полном людских страданий. Здесь крысы спали вповалку с людьми на каком-то тряпье, пахло кислой мочой, дети рылись в помойках в поисках еды. Вместо прекрасного рынка с ароматными специями теперь из каждого угла кричали какие-то мрачные тени, пытаясь навязать странный хлам. А в углу тихо выли те, кто жить не мог без местных волшебных порошков и жидкостей, что вызывали привыкание.

Раньше я всегда пугался и сбегал из сна, просыпаясь в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем. Первый раз я испытал шок – как нечто столь прекрасное могло предать меня, став кошмаром? Как идеал за секунду рассыпался, превратившись в мрак?

Но с годами я учился видеть и признавать многое. Я понял, что видел все поверхностно и выискивал только то, что мне нравится. Но за руку со светом неотступно следует тьма, с ночью – рассвет, с болью – просветление.

И сегодня впервые я не стал просыпаться, когда меня окутала знакомая тьма. Стамбул показывал мне свою пугающую изнанку: голодных, озябших, несчастных. Грязь, помои и болезни. Искалеченные души, требующие порошка, денег, хмельной воды. Я продирался по узкому переулку сквозь мрак, испытывая то отвращение, то сочувствие, натываясь взглядом на эти язвы, не принятые городом, не принятые обществом. Как я не мог смириться с серостью собственного

мира, боясь старости, прячась от нее за пеленой снов, также и Стамбул, казалось, пережевал и выплюнул свои страхи на улицы страшных кварталов, куда было опасно заглядывать. И сейчас я замечал это море человеческой боли, пропуская ее через собственное сердце, ощущая также остро, как свою. У каждого человека на этой темной улице были свои страхи и кошмары, и чем-то это роднило меня с ними. Чем дальше я продирался сквозь тьму и грязь, тем больше видел и замечал обычных, равнодушных, или напуганных людей, потерявших себя в бесконечном водовороте событий.

И вдруг впереди забрезжил свет. Показалась обычная улица. Я рванул в ее сторону и упал на мостовую – чистую, светлую, озаренную последними лучами закатного солнца. Я тяжело дышал, сидя прямо на дороге, а люди проходили сквозь меня, не замечая. Вдруг то, что мучило и пугало меня долгие годы, наконец осталось позади. Страх был побежден, я научился сопереживать чужой боли, а не бояться ее. Спустя десятки лет, любимый сон перестал быть кошмаром, но стал ближе и понятнее любой реальности. Много-много лет я шел к этому.

Хоть и говорят, что хорошо там, где нас нет... а все-таки выбор делать только нам. Я люблю яркие краски и все контрасты этого города, да и собственной души – тоже. А в мир серости, однообразия и отсутствия фантазии возвращаться больше не хотелось.

Я отправился к набережной – вдохнуть соленый морской

воздух, слушать корабли и крики чаек, наслаждаться этим глубоким чернейшим небом, усыпанным звездами. Я выбрал мир, что навеки стал моим, безоговорочно, бесповоротно. И просыпаться, оказалось, было вовсе не обязательно.

***

Сновидец Лурру умер, будучи двухсотлетним стариком. Его нашли лежащим в своей постели со счастливой улыбкой на губах. Это было странно и неправильно. Здесь было не принято проявлять сильные эмоции, говорить о чувствах, и уж, тем более, умирать счастливым и радостным.

Но Лурру был свободен. Он остался на берегу Босфора, распахивая свое сердце для целого нового, противоречивого мира. А на его объятия отвечал любимый город – Стамбул.